

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341.217

A. Bakun
MITSO (Minsk)

LEGAL EFFECT OF EURASIAN ECONOMIC UNION'S ACTS: PROBLEMS OF DEFINITION AND SOLUTIONS

The article deals with analysis the problems of determining legal effect of Eurasian economic Union's (EEU) acts. The author points to two existing problems in this area: indispensably to systematize EAEU's acts according to their legal effect in EEU and determine their legal effect comparing with national laws. The article deals with systematization of EEU's acts and gives the classification of these acts according to their legal effects. The author thinks that it help to streamline existing acts within the framework of EAEU activities, accept EAEU Court's acts as the source of law and give to Court of EEU control function.

Keywords: Eurasian economic union; legal effect; laws EEU; Court EEU; authorities EEU; regionalization; processes of globalization.

А. С. Бакун
кандидат юридических наук, доцент
МИТСО (Минск)

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА АКТОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ¹

В статье анализируются проблемы определения юридической силы актов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор указывает на две существующие в этой области проблемы: необходимость систематизации актов ЕАЭС в зависимости от их юридической силы внутри данного образования и соотношение этих актов с источниками национального права. В статье предлагаются решения проблемы систематизации актов ЕАЭС, дается классификация указанных актов в зависимости от их юридической силы, которая будет способствовать упорядочиванию существующих актов в рамках деятельности ЕАЭС, обосновывается необходимость придания статуса источника права актам Суда ЕАЭС, а также наделения его контрольной функцией за соблюдением соответствия всех актов ЕАЭС учредительному договору данной организации.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; юридическая сила; акты ЕАЭС; Суд ЕАЭС; органы ЕАЭС; регионализация; глобализационные процессы.

---

¹ Настоящее исследование проведено в рамках выполнения НИР БРФФИ-РФФИ-2018 № Г18Р-057 на тему «Акты международных организаций и их реализация в национальном законодательстве» с Марийским государственным университетом (2018–2020 гг.).

Глобализационные процессы, происходящие в мировом сообществе, интенсифицируют интеграционное взаимодействие государств как участников этих процессов. В научной литературе нет единообразного мнения по вопросу положительного влияния указанных процессов на государства. Следствием глобализационных процессов в сфере юриспруденции является активное взаимодействие международного и внутригосударственного права. В свою очередь неизбежность интеграционных процессов обуславливает необходимость изучения юридических актов наднациональных образований, их юридической силы, соотношения таких актов с актами государственных органов и должностных лиц конкретного государства.

Следствием регионализации является образование различных экономических союзов. Так, А.Ф. Малый указывает, что «создание межгосударственных экономических объединений порождает формирование нового права, лежащего в основе деятельности этих союзов» [1, с. 308]. Кроме того, любые надгосударственные образования предполагают включения в правовые системы государств-участников новых актов, таких как, например, международные договоры, акты органов надгосударственных образований, которые часто способствуют бессистемности в иерархии нормативных правовых актов. В связи с возникновением ряда проблем по встраиванию актов наднационального характера в национальную правовую систему особенно важным представляется соотнесение таких актов между собой в зависимости от юридической силы, а также определение места, которое они занимают в правовых системах государств-участников таких интеграционных образований. Каждая из двух проблем требует отдельного научного исследования, в связи с чем в данной статье автор рассмотрит первую из обозначенных выше проблем.

Нельзя не согласиться с Г.А. Василевичем, что «в целом можно говорить о позитивном характере процесса регионализации как средства объединения усилий в условиях глобализации» [2, с. 158]. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) является одной из наиболее динамичных из существующих международных организаций в сфере экономической интеграции. Аксиоматично, что целью интеграционных союзов являются экономический рост, экономическая и торговая интеграция, коммерческая прибыль, облегчение ряда бизнес-процессов, привлечение инвестиций. Так, в преамбуле Договора об учреждении Евразийского экономического союза (далее — Договор о ЕАЭС) одной из целей создания данного союза указывается стремление «укрепить экономики государств — членов Евразийского экономического союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию» [3].

В то же время Г.А. Василевич отмечает, что глобализационные процессы приводят «к умалению позиции государства как такового, размытию его границ. Можно в этой связи говорить о наметившейся тенденции «размывания» монополии государства на власть» [2, с. 164]. Однако такая тенденция характерна и для процессов регионализации. Так, например, ЕАЭС обладает международной правосубъектностью, позволяющей ему самостоятельно вступать в правоотношения с другими субъектами международного права от своего собственного имени. Это свидетельствует о том, что государства — члены ЕАЭС делегируют данному интеграционному образованию свои полномочия в сфере деятельности ЕАЭС.

Кроме правосубъектности ЕАЭС обладает рядом самостоятельных компетенций. Так, например, А.Я. Капустин указывает на правотворческую компетенцию ЕАЭС, способную «создавать интеграционные международно-правовые нормы, формирующие новый интеграционный правопорядок в его рамках» [4, с. 61]. В этой связи можно говорить о формировании правовых норм наднационального характера, что подтверждается наличием ст. 6 в Договоре о ЕАЭС [3], регламентирующей право ЕАЭС.

Вместе с тем создание данного союза способствовало возникновению в правовом поле сразу двух проблем: во-первых, необходимости систематизации актов ЕАЭС в зависи-

мости от их юридической силы внутри данного образования, во-вторых, соотношения этих актов с источниками национального права.

В свою очередь решение первой проблемы зависит от решения, на наш взгляд, во-первых, проблемы классификации и определения иерархии актов не только органов ЕАЭС, но и актов ЕАЭС в целом посредством определения юридической силы данных актов, во-вторых, проблемы определения юридической силы актов Суда Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС).

Для определения юридической силы актов ЕАЭС проведен анализ норм Договора о ЕАЭС, который выявил множественность различных актов ЕАЭС как договорного, так и распорядительного характера в рамках ЕАЭС. Так, в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС право Союза составляют:

- 1) настоящий Договор;
- 2) международные договоры в рамках Союза;
- 3) международные договоры Союза с третьей стороной;

4) решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза [3].

Следовательно, система правовых актов ЕАЭС определена договором ЕАЭС и включает в себя два вида источников: международные договоры и акты органов ЕАЭС. При этом различаются три вида международных договоров как источников права ЕАЭС: учредительный договор ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры ЕАЭС с третьей стороной. Вместе с тем к праву ЕАЭС можно отнести некоторые другие виды международных договоров, часть из которых приравнивается к видам договоров, установленных в ст. 6 Договора ЕАЭС [3]. За рамками указанной классификации актов ЕАЭС остались еще некоторые международно-правовые акты и нормы международного права. В первую очередь такими актами можно назвать судебные акты, принимаемые Судом ЕАЭС [5, с. 50]. Однако все указанные источники права ЕАЭС требуют полной всеобъемлющей систематизации для упорядочения всей совокупности актов ЕАЭС. Критерием такой классификации может выступать юридическая сила рассматриваемых актов.

Анализ норм Договора о ЕАЭС позволяет констатировать, что Договор о ЕАЭС не устанавливает официальной классификации источников права ЕАЭС. Такая классификация, по мнению С.Ю. Кашкина и А.О. Четверикова [6], может производиться исходя из юридической силы указанных выше источников. Так, авторы выделяют «источники, которые имеют основополагающий характер в правовой системе ЕАЭС и обладают высшей юридической силой» [6, с. 51], называя их первичными источниками, своеобразными «конституционными актами» ЕАЭС. В числе особенностей источников первичного права М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина [7, с. 248] выделяют прямое действие по отношению к национальному праву и правопорядку.

К первой группе источников относятся непосредственно Договор о ЕАЭС, а также дополняющие его иные договоры между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием ЕАЭС. Так, в п. 2 и 3 ст. 6 Договора о ЕАЭС закреплено, что «международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и настоящим Договором приоритет имеет настоящий Договор. Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза» [3]. Аксиоматично, что указанные источники так называемого первичного права по своей форме являются международными договорами, заключаемыми и изменяемыми государствами — членами ЕАЭС с их общего согласия. Данные договоры

являются основополагающими источниками права ЕАЭС, определяющими основные векторы развития наднационального права.

В свою очередь С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков выделяют источники вторичного права ЕАЭС [6, с. 51], называя их своеобразным «законодательством» ЕАЭС. По мнению М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной, каждый источник вторичного права «возникает и реализуется не иначе как на основе и в соответствии с первичным правом, целиком опирается на него и не может ему противоречить. Это исходные и основные требования, предъявляемые к источникам вторичного права, в соответствии с ними и в зависимости от их юридической силы выстраивается своеобразная пирамида, в основании которой находятся источники первичного права, или вертикаль, где источники первичного права располагаются на самом верху, а вторичного внизу» [7, с. 248]. Полагаем, что данная классификация способствует решению обозначенной выше первой проблемы в связи с тем, что она упорядочивает акты, принятые в рамках ЕАЭС, позволяет определить их юридическую силу.

Вторая группа источников права ЕАЭС имеет также внутреннюю иерархию. Во-первых, ко второй группе источников относятся юридические обязательные акты в форме решений и распоряжений руководящих органов ЕАЭС. Данная группа вторичных источников издается на основе источников первичного права и не может им противоречить. Договор о ЕАЭС закрепляет иерархию актов органов ЕАЭС по юридической силе (п. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС) [3]. Так, в п. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС закреплено, что «в случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; решения Евразийского межправительственного совета имеют приоритет над решениями Евразийской экономической комиссии» [3]. Однако в этом случае необходимо дальнейшее совершенствование механизма взаимодействия данных органов, что будет способствовать упорядочению издаваемых ими актов, исключению противоречия их друг другу, созданию единого правового поля внутри самого ЕАЭС.

Во-вторых, помимо юридически обязательных актов руководящих органов ЕАЭС, принимаемых в одностороннем порядке, к источникам вторичного права могут быть отнесены международные договоры ЕАЭС с третьей стороной. Такими актами могут выступать «соглашения, которые руководящие органы заключают с другими государствами, международными организациями и интеграционными объединениями в рамках международной деятельности ЕАЭС» [6, с. 51]. Данная группа источников права ЕАЭС оживляет систему права ЕАЭС, регламентирует внешнее взаимодействие самих государств — членов ЕАЭС и органов ЕАЭС с третьей стороной. Следовательно, если первичные источники и первая группа вторичных источников права ЕАЭС регламентирует общественные отношения, складывающиеся внутри указанной международной организации, то вторая группа вторичных источников регламентирует отношения ЕАЭС с другими субъектами международного права.

Указанные источники показывают степень внутренней правовой согласованности такой международной организации, как ЕАЭС, так как выработанная единая политика внутри ЕАЭС, консенсус государств — членов ЕАЭС проявляется вовне. И если внутри ЕАЭС существуют противоречия между внутренними источниками права ЕАЭС, они устраняются посредством внутренних механизмов, то данная группа источников представляется индикатором внутренней правовой сплоченности действий всех государств — членов ЕАЭС.

Вторая проблема систематизации актов ЕАЭС заключается в определении юридической силы актов Суда ЕАЭС. Анализ норм Договора о ЕАЭС и Статута Суда Евразийского экономического союза (далее — Статут Суда ЕАЭС) [8] показал, что акты Суда

ЕАЭС (ст. 95–96 Статута Суда ЕАЭС) [8] можно условно разделить на следующие группы: 1) по результатам рассмотрения споров выносится решение; 2) по процедурным вопросами в ходе процесса выносится постановление (например, постановление о принятии заявления к производству); 3) по результатам рассмотрения заявления о разъяснении выносимого консультативного заключения. Автор разделяет мнение С.Ю. Кашкина и А.О. Четверикова [6, с. 51–52] о важности судебного толкования норм актов ЕАЭС в виде консультативных заключений по делам о разъяснении (акты рекомендательного характера) и постановлений (акты по процедурным вопросам), которые должны учитываться при практическом применении первичных и вторичных источников права ЕАЭС. Аксиоматичным представляется также, что наибольшее значение имеют решения Суда ЕАЭС, которые носят юридически обязательный характер для сторон спора (правоприменимельные акты).

В отличие от Европейского союза судебная практика Суда ЕАЭС не считается источником права, а Суду ЕАЭС запрещается изменять или отменять действующие нормы права ЕАЭС, законодательства государств-членов или создавать новые нормы (п. 102 Статута Суда ЕАЭС) [8]. Безусловно, практика Суда ЕАЭС имеет важное интрапретационное значение, «служит средством официального толкования источников первичного и вторичного права ЕАЭС» [6, с. 51], обеспечивает единообразное формирование, применение и толкование унифицированного права сообщества» [9, с. 449], «является оптимальным вариантом поддержания единства и эффективности интеграционного правопорядка» [10, с. 172–173]. Необходимо отметить, что несмотря на непродолжительный период деятельности, Суд ЕАЭС сформулировал ряд важных правовых выводов, имеющих значение для единообразного применения права ЕАЭС.

Таким образом, для решения проблемы систематизации актов ЕАЭС необходимо решить две сопутствующие ей проблемы. Во-первых, следует усовершенствовать механизм взаимодействия органов ЕАЭС, что будет способствовать упорядочению издаваемых ими актов, исключению противоречия их друг другу, созданию единого правового поля внутри самого ЕАЭС. Для этого органам ЕАЭС необходим своего рода независимый арбитр внутри ЕАЭС. В этой связи существует необходимость наделить Суд ЕАЭС функцией контроля над соответствием всех актов, принимаемых в рамках ЕАЭС, основополагающему акту ЕАЭС — Договору о создании ЕАЭС.

Во-вторых, необходимо придать актам Суда ЕАЭС статус источника права ЕАЭС, закрепить обязательный, а не рекомендательный характер указанных актов, определить их юридическую силу аналогично подобной судебной инстанции в Европейском союзе. Кроме того, следует разработать механизм привлечения субъектов, не исполнивших решения Суда ЕАЭС, к юридической ответственности. Систематизация актов, принимаемых в рамках ЕАЭС, совершенствование механизма взаимодействия органов ЕАЭС, в том числе компетенции Суда ЕАЭС, позволят ЕАЭС максимально реализовывать те цели, которые данный союз ставит перед собой.

Источники

1. Малый, А. Ф. О принципах участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях / А. Ф. Малый // Творческое наследие Казанских юридических школ и современные тенденции развития юридической науки / под ред. И. А. Тарханова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. — С. 307–310.
Malij, A. F. On the principles of participation of the Russian Federation in interstate associations / A. F. Malij // Creative heritage of Kazan law schools and modern trends in the development of legal science / ed. I. A. Tarkhanov. — Kazan : Publ. house of Kazan Univ., 2016. — P. 307–310.
2. Василевич, Г. А. Источники белорусского права : монография / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич. — Минск : БГУ, 2016. — 263 с.
Vasilevich, G. A. Sources of Belarusian law : monograph / G. A. Vasilevich, S. G. Vasilevich. — Minsk : BSU, 2016. — 263 p.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : в ред. от 08.05.2015 г. // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. — Дата доступа: 10.09.2018.
4. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс / А. Я. Капустин // Журн. рос. права. — 2015. — № 11. — С. 59–69.
- Kapustin, A. Ya. Law of the Eurasian Economic Union: international legal discourse / A. Ya. Kapustin // J. of Russ. Law. — 2015. — № 11. — P. 59–69.*
5. Бакун, А. С. Место актов органов ЕАЭС в правовой системе Республики Беларусь / А. С. Бакун // Актуальні проблеми юридичної науки : зб. тез. Міжнар. наук. конф. «Сімнадцяті осінні юридичні читання», м. Хмельницький, 19–20 жовтня 2018 року : у 2-х част. / Хмельницьк. ун-т упр. та права. — Хмельницький, 2018. — Ч. 1. — С. 49–51.
- Bakun, A. S. The place of acts of the EAEU bodies in the legal system of the Republic of Belarus / A. S. Bakun // Actual problems of the legal science : coll. of theses of the Intern. sci. conf. «Third International Legal Reading», Khmelnytskyi, 19–20 Dec. 2018 : in 2 pt. // Khmelnytsky Univ. of Management and Law. — Khmelnitsky, 2018. — Pt. 1. — P. 49–51.*
6. Кашкин, С. Ю. Право Евразийского экономического союза : учебник / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. — М. : Проспект, 2016. — 191 с.
- Kashkin, S. Yu. Right of the Eurasian Economic Union : textbook / S. Yu. Kashkin, A. O. Chetverikov. — Moscow : Prospectus, 2016. — 191 p.*
7. Марченко, М. Н. Правовая система Европейского Союза : монография / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. — 704 с.
- Marchenko, M. N. The legal system of the European Union : monograph / M. N. Marchenko, E. M. Deryabina. — Moscow : Norma : INFRA-M, 2015. — 704 p.*
8. Статут Суда ЕАЭС [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <file:///D:/Documents%20and%20Settings/Administrator/Mои%20документы/statut.pdf>. — Дата доступа: 18.11.2018.
9. Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 784 с.
- Justice in the modern world : monograph / V.M. Lebedev [et al.] ; ed. by V. M. Lebedeva, T. Ya. Khabrieva. — 2nd ed., suppl. and rev. — Moscow : Norma : INFRA-M, 2017. — 784 p.*
10. Рафалюк, Е. Е. Региональные интеграции латиноамериканских государств: природа, содержание, разрешение споров : монография / Е. Е. Рафалюк. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 247 с.
- Rafalyuk, E. E. Regional integration of Latin American states: nature, content, resolution of disputes : monograph / E. E. Rafalyuk. — Moscow : INFRA-M, 2014. — 247 p.*

Статья поступила в редакцию 13.12.2018 г.

УДК 347.1

M. Davydenko

M. Shilo
BSEU (Minsk)

LEGAL STATUS OF A JUVENILE SOLO TRADERS

The article is devoted to the peculiarities of the legal status of a minor solo traders in the Republic of Belarus and the Russian Federation. It is revealed that the implementation of entrepreneurial activity by minors who do not have full legal capacity, causes a number of difficulties in practice and contradicts the meaning of entrepreneurial activity, which is proactive and independent. The article provides recommendations for further improvement of legislation on the research topic.

Keywords: minor; entrepreneurial activity; solo traders; age; emancipation; marriage.